

Н. П. ЗУБОВА
Московский университет

БЫТОВАНИЕ ПЕСЕН ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ГОРОДАХ И ПОСЕЛКАХ УРАЛА

Значительную часть песен, записанных в 1974—1980 годах в Нижнем Тагиле и находящихся поблизости от него городах и поселках, составляют песни литературного происхождения.

Состояние записи литературных песен обуславливается их изучением. Позднее обращение ученых к исследованию песен литературного происхождения сказывается на собирательской работе наших дней. В целом литературных песен записывается немало, но могло бы записываться гораздо больше. Особенно сдерживает собирательскую работу недостаточная конкретность методических рекомендаций в отношении песен литературного происхождения.

Трудности, испытываемые студентами во время записи фольклорного материала, во многом связаны именно с авторскими песнями. Собиратели зачастую сомневаются, записывать ли им общеизвестные популярные тексты, делать ли повторные записи песен, если они не будут существенно отличаться от уже имеющихся записей, следует ли вызывать певцов на исполнение определенных песен литературного происхождения, какие из многочисленных песен советской эпохи считать фольклоризовавшимися. Современные пособия по фольклорной практике отчетливых ответов на эти вопросы не дают. В них содержатся лишь самые общие рекомендации по записи литературных песен.

Начинающий собиратель должен быть знаком со многими авторскими текстами и их песенными переделками. Это облегчает запись, классификацию песен. Знание литературных песен может сделать более результативным их поиск. Но предварительное изучение песен затрудняется в силу ряда обстоятельств — нехватки сборников и антологий песен русских поэтов, малочисленности научных трудов о литературных песнях. К тому же исследования о песнях публиковались не в массовых изданиях, а в сборниках научных работ, Ученых записках, тематических сборниках кафедр литературы.

В учебных пособиях по фольклору нет достаточно полного освещения песен литературного происхождения. Исключение составляет лишь учебник под редакцией А. М. Новиковой, издававшийся

в 1969 и 1978 годах. Он содержит специальный раздел «Песни литературного происхождения».

В свете всего сказанного следует признать, что подготовленность студентов к записи литературных песен пока недостаточна, хотя на семинарских занятиях они проявляют интерес к авторским песням, как бы открывают их для себя заново, узнавая имена создателей многих «русских народных песен».

Несмотря на отдельные сложности записи песен русских поэтов, собирательская работа приносит свои результаты. Общее число текстов литературных песен в фольклорном фонде Нижнетагильского пединститута — около двухсот.

Специального поиска песен литературного происхождения за рассматриваемый период не проводилось, все тексты записывались в процессе сплошного обследования фольклорной традиции в различных населенных пунктах горнозаводского Урала — городах Нижнем Тагиле и Верхней Туре, поселке Висим и селе Петрокамском Пригородного района. Это места проведения фольклорной практики 1978—1980 годов и работы фольклорных экспедиций 1976—1977 годов. Кроме того, записи производились и по месту жительства студентов.

При сплошной записи фольклорных произведений несколько страдает полнота выявления текстов того или иного жанра и собирательская работа до некоторой степени носит стихийный характер. В то же время можно с уверенностью сказать, что записанные подобным способом литературные песни, на исполнение которых певцы не были ориентированы, входят в состав активно бытующих ныне фольклорных произведений.

Приступая к обзору записей литературных песен, следует отметить, что среди них нет самых известных авторских текстов, таких как «Коробушка» и «Тройка» Некрасова, «Из-за острова на стрежень» Садовникова. Единичны записи «Рябины» Сурикова, «Ермака» Рылеева и других популярных песен. А между тем нет никаких сомнений в том, что перечисленные песни мог бы исполнить любой знаток фольклора. Их хорошо знают и сами студенты, но не совсем представляют, как следует записывать такие тексты. Исполнители же не считают нужным воспроизведение общеизвестных песен, которые, к тому же, часто звучат по радио и телевидению. Они стараются припомнить «старинные» песни, а «старинные» на поверку нередко оказываются литературными.

Среди записей литературных песен, которыми мы располагаем (от «Незабудочки» Хованского и «Голубочка» Дмитриева до произведений советского периода) хотелось бы выделить тексты XIX века. Песни XIX века образуют основной состав песен литературного происхождения, они активно бытуют в наши дни. Они то преимущественно и были записаны в 1974—1980 годах.

* * *

*

При всем подражательном характере «русских песен» начала XIX века лучшие из них оказались возможным услышать в современном исполнении: «Среди долины ровныя» Мерзлякова, «Не осенний мелкий дождичек» Дельвига, «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан» Цыганова, «Вот мчится тройка удалая» Глинки, «Вниз по Волге-реке» Шаховского, «То не ветер ветку клонит» Стромиллова. С первой половиной XIX века связано возникновение романа «Вечерний звон» на стихи Козлова. Он был записан один раз, в 1975 году.

Литературная песня, возникшая на рубеже XVIII—XIX веков, получила дальнейшее развитие в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Они не стилизовали своих стихов под фольклорные песни, а творчески разрабатывали тематику различных народных песен — песен узников, ямщиков, «вольных людей», песен-баллад, колыбельных и т. д.

Из песен Пушкина за последнее пятилетие собирателями были записаны «Черная шаль», «Узник» (сильно измененный, в контаминации с городским романсом «Во саду при долине громко пел соловей»), «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет»). Правда, последняя воспроизводилась по памяти и звучала как стихотворение, так как исполнительница не могла вспомнить мотив.

Песни Лермонтова удавалось записывать в большом количестве: «Тростник», «Выхожу один я на дорогу», «Казачья колыбельная песня», «Тамара» («В глубокой теснине Дарьяла»). В одном из найденных рукописных песенников содержится текст «Воздушный корабль».

Из песен Лермонтова наиболее популярен «Тростник» («Сидел рыбацк веселый»), остросюжетное произведение с трагической развязкой.

Контаминация песен на стихи Лермонтова с другими литературными сочинениями и пародирование их — приметы прочного усвоения песен Лермонтова народом. Отдельные примеры подобных переделок авторских текстов у нас имеются. Так, среди материалов Висимской экспедиции 1976 года есть необычная колыбельная песня. Первая строка ее почти дословно совпадает с началом «Казачей колыбельной песни» Лермонтова, затем следует переход к «Колыбельной песне» А. Н. Майкова, от строки «Сладкий сон себе возьми» до конца стихотворения — «Колыбелечку качал». Но на этом песня не кончается. Она получает завершение в духе народной колыбельной песни:

Колыбелечку качал,
Ваню (Машу, Мишу)
Спать укладывал.

Интересные, на наш взгляд, песни-пародии записала от своего деда, Н. И. Швецова (1890), студентка-заочница Н. Е. Вол. Ее записи относятся к 1971 году. Они представляют собой пародийные переделки «Горных вершин» Лермонтова и «Дубинушки» Богда-

нова-Ольхина. Исполнялись они на общеизвестные мелодии романса «Горные вершины» и песни «Дубинушка». Судя по содержанию, эти песенные переделки были популярны в годы русско-японской войны 1904—1905 годов. Вот одна из них:

Артурские вершины,
Я вас вижу вновь,
Цзинджоуские* долины —
Кладбище удальцов.
И солдату тошно
Ох, до маяты.
Погоди, япошка,
Отдохнешь и ты.

* Цзинджоуские — вероятно, от названия г. Цзиньчжоу. — Н. З.

Во второй половине XIX века создание литературных песен было успешно продолжено многими поэтами. Они опирались на традиции авторов-предшественников, и особенно А. В. Кольцова. Кольцов избрал своим героем простого труженика. Он не идеализировал его, не приукрашивал его быта и повседневных занятий. Песни Кольцова отличались поэтичностью, задумчивостью. Форма стихов Кольцова восходила к фольклорной основе, хотя и не была стилизованной.

По поводу фольклоризации песен Кольцова в науке имеются некоторые разногласия. В ряде работ, например в обстоятельной статье А. М. Новиковой «Песни А. В. Кольцова в устном народном творчестве»¹, доказывалось широкое песенное распространение стихотворений поэта. Было высказано и противоположное мнение: «Песни Кольцова в целом оказались замечательным и своеобразным явлением русской поэзии — в большей мере песнями для чтения, чем стихами для пения»².

В связи с указанными разногласиями хотелось бы отметить наличие среди наших литературных песен трех текстов Кольцова. В 1975 году в Нижнем Тагиле была записана песня «Не смотря в лицо, Она пела мне» (авторское название «Ночь»). В ней сохранены все стихотворные куплеты, а в них заменены отдельные слова, что в целом не отразилось на звучании текста.

В 1976 году в пос. Висим была сделана запись песни «Что печально глядишь?». В основе песни лежит известное стихотворение Кольцова «Последний поцелуй». В записанном варианте нет строфы, которой начинается и завершается кольцовское стихотворение:

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз, поскорей,
Поцелуй горячей.

¹ См.: Русский фольклор. М.—Л., 1958, вып. 3.

² Песни и романсы русских поэтов. Вступ. статья, подгот. текста и прим. В. Е. Гусева. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. М.—Л., 1965, с. 26.

Висимский вариант заканчивается так:

Я спрошусь у отца,
Я спрошусь у родной
И с согласия их
Повенчаюсь с тобой.

Подобная концовка в целом соответствует принципам народного редактирования литературных песен: народные варианты тяготеют к сюжетной завершенности произведения.

Во время фольклорной практики в 1980 году в г. Нижняя Салда студенткой М. Горлановой была услышана песня «Как над Доном сад цветет». При сопоставлении ее записи со стихотворением «По-над Доном сад цветет» выяснилось, что в народном варианте авторский текст сокращен и упрощен по структуре. Песня превратилась в монолог героя, лишенный характера воспоминаний о прошедшем.

Лиризм, задушевность, известная ориентация на традиции русской народной песни роднят стихи Кольцова и Некрасова. Песни Некрасова воспринимались народом как образцы новых песен. Они популярны и в наши дни, особенно те, что близки по содержанию и поэтике народным бытовым песням. Песни на слова Некрасова привлекают поэтической передачей чувства любви. Любовная тема «всегда жила в песне, широко звучала в ней, мало того — она составляла и составляет одну из несомненных основ ее популярности»³. В то же время Некрасов изображал народ «не только в его быту и труде, но и в сложных социальных исканиях, связанных с «переворотившимися» условиями его жизни — в пореформенную эпоху»⁴.

В наших фольклорных записях встречаются такие песни на стихи Некрасова, как «Вянет, пропадает красота моя» («Катерина»), «Поздняя осень, грачи улетели», «Хорошо было детинушке». В рукописных песенниках имеется запись «Огородника».

Отрывок из поэмы «Коробейники» («Хорошо было детинушке») устойчиво контаминирует с городскими романсами. Это можно объяснить сходством эмоционального звучания невеселых раздумий Катеринушки и любовных переживаний девушки — героини городских романсов. Очевидно, не без влияния городских романсов в вариантах, записанных в пос. Висим, молодница, ожидая парня, «качат ребенка малого»; бедная девушка в другом перепеве отрывка из «Коробейников», погадав «во карточки», совершенно уверила себя в измене милого и «в море опустилась».

Как городской романс воспринимается поначалу песня «Для кого весна отрадная», записанная М. Горлановой в 1980 году в

³ Песни русских поэтов (конец XVII — начало XX века). Вступит. статья и сост. А. Бихтера. Л., 1973, с. 8.

⁴ Новикова А. М. Стихотворения Некрасова в устном народном творчестве. — В кн.: Традиции и новаторство в русской литературе. М., 1973, с. 32—33.

Нижней Салде, но где-то от слов «Буду я невесткой тихою» начинает отчетливо звучать текст Некрасовских «Коробейников»:

Для кого весна отрадная,
Для меня отрады нет.
Ах, зачем же я, несчастная,
Уродилася на свет.
Злые люди, ненавистные,
Хочут с милым разлучить,
Из-за принципа и ревности
Брошу милого любить.
Брошу я плакать и печалиться,
Брошу горе горевать,
Моя молодость загубленная
Не воротится назад.

Я не купчихой, не дворянкой,
Я крестьянкой рождена.
Буду я невесткой тихою,
Работящею женой.
Если муж придет с ярмарки,
Я лошадок уберу,
Если спать ему захочется,
Постель мягкую постелю.
Спи, любимый мой проказник,
Больше слова не скажу,
А пробудишься, любимый,
С поцелуем обниму.

Исполнительница, А. И. Горланова, 73 лет, домохозяйка, говорила своей внучке — собирательнице фольклора: «Очень песня нравится. Ведь в ней поется о крестьянке-труженице». Эти слова можно было бы взять эпиграфом ко многим песням Некрасова, Никитина, Сурикова, других поэтов.

Одной из самых популярных среди исполнительниц старшего поколения является песня Сурикова «Сиротою я росла». Она созвучна другим песням на стихи И. З. Сурикова, также записанными в последнее пятилетие: «Уж ты доля, моя доля», «Спишь ты, спишь, моя родная». Поэтому мы не можем вполне согласиться с оценкой современного бытования суриковских стихов-песен, данной в книге Н. И. Неженца «Поэзия И. З. Сурикова»: «Конечно, не всем произведениям Сурикова была суждена долгая жизнь. ...После Октябрьской революции в корне изменилась жизнь людей. Исчезли мысли о бедности, угнетении, страх перед нуждой, а вместе с этим ушли из жизни и печальные стихи поэта.

Лучшие творения Сурикова остались в памяти народа и продолжают пользоваться популярностью. Это — песни «Рябина» и «Степь да степь другом...», стихи о детстве и природе⁵. Безусловно, «Степь да степь кругом...» и «Рябина» — самые известные ныне песни Сурикова, но его стихи о бедности, угнетении и страхе перед нуждой также активно бытуют в качестве песен. Это песни — воспоминания о прошлом. Некоторые из исполнительниц песни «Сиротою я росла», подобно героине песни, тоже провели свою молодость «в людях», испытали раннее сиротство и тяжелый труд.

Обычно в вариантах песни «Сиротою я росла» текст Сурикова воспроизводится полно. Но он удлиняется за счет включения новых стрóf. Нередко по-новому начинается звучать конец песни. Наряду с авторской концовкой, типичным стало и такое окончание:

⁵ Неженец Н. И. Поэзия И. З. Сурикова. М., 1979, с. 117.

Я поеду в монастырь,
Богу помолюся.
Пред иконою святой
Вся слезам улююся.

Не пришет ли мне господь
Той доли счастливой,
Не полюбит ли меня
Молодец красивый⁶.

Если И. З. Суриков сказал о тяжелом труде девушки-сироты в одном четверостишии, получившемся емким по смыслу и запоминающимся, то в песнях более подробно представлены каждодневные обязанности девушки, столь знакомые любой женщине-труженице. Повторение песенных фраз как бы подчеркивает непрерывность множества домашних дел:

Уродилася я,
Как былинка в поле;
Моя молодость прошла
По чужой сторонке.
Где качала я детей,
Где коров доила,
Подоивши я коров,
Молочко цедила.
Процедивши молочко,
Я детей кормила,
Накормивши я детей,

Спать их уложила.
Спать их уложила,
С милым говорила.
Уродилася я
Девушка красива,
Только не дал мне господь
Той доли счастливой.
Ох бедным-то я бедна,
Плохо я одета —
Никто замуж не берет
Девушку за это⁷.

Драматической сюжетной ситуацией, эмоциональной напряженностью песня Сурикова «Спишь ты, спишь, моя родная» напоминает городской романс. Само стихотворение «У могилы матери», как отмечается в исследованиях Н. И. Неженца, построено по принципу тематической, а соответственно, и стилиевой контрастности, но народная песня не может, подобно своей стихотворной основе, выражать контрастные, противоречивые настроения. Поэтому в современной интерпретации стихотворения «У могилы матери» звучит лишь первая его часть, в которой все внимание поэта сосредоточено на сыновних чувствах осиротевшего юноши:

Спишь ты, спишь, моя родная,
Спишь в земле сырой
Я пришел к тебе, родная,
С горем и с тоской.
Я пришел к тебе, родная,
Чтоб тебе сказать,

У меня есть и родная,
И другая мать.
Твой-то муж, тобой любимый,
Мне отец родной,
А теперь малютке-сыну
Стал совсем чужой⁸.

Записанные за последние годы песни на стихи И. З. Сурикова довольно многочисленны и разнообразны: «Степь да степь кругом», «То не море в час прибоя», «Толокно», «Уж ты доля, моя доля».

Различны по звучанию и песни другого популярного поэта де-

⁶ Записано К. Ударцевой, Р. Кордюковой, В. Бырковой, Н. Студеникиной в 1976 году в г. Нижнем Тагиле от О. П. Мазуриной (1900).

⁷ Записано Н. П. Зубовой в г. Верхняя Тура в 1980 году от Е. А. Селивановой (1909).

⁸ Записано И. Караевой, Т. Смирных, И. Гусельниковой в 1978 году в г. Нижнем Тагиле от А. Н. Малышевой (1904).

мократического направления. — И. С. Никитина. Его «Песня бо-быля» воспринимается как вызов всем несчастьям, скуке и унынию. «Жена ямщика», напротив, выражает глубокое сострадание женщине и ее сыну, лишившимся родного человека, который был их опорой в жизни. «Жена ямщика» — внушительная по размерам песня — звучит долго, неторопливо. Она сохранилась в современном репертуаре и в силу популярности в песне «ямщицкой» темы, и в силу сюжетности; в песне «Жена ямщика» постепенно нарастает напряженность повествования, нагнетается ощущение несчастья, которое в конце концов и происходит. Язык песни прост и порой незатейлив, что способствовало проникновению песни в народные массы.

Наиболее часто из песен Никитина звучит в наши дни «Ухарь-купец». Песня «Ехал из ярмарки ухарь-купец» и ее варианты подробно проанализированы в работах недавнего времени⁹. «Ухарь-купец», как и другие произведения Никитина, рассматривается исследователем Я. И. Гудошниковым в сопоставлении с городскими романсами. Статьей «Творчество И. С. Никитина и городской романс» Я. И. Гудошников показал, насколько близки порой могут быть литературные песни к городским романсам и как необходимо изучать песни литературного происхождения в их взаимоотношениях с романсами.

Действительно, литературные песни не только контаминируются в отдельных случаях с романсами, но иногда и создаются с ориентацией на содержание, образность и структуру романсов и баллад. Это можно сказать о таких популярных в наши дни песнях, как «Хаз-Булат удалой», «В саду ягода-малина», «Когда я на почте служил ямщиком», и др.

Мы уже приводили примеры слияния в едином тексте литературной песни и городского романса. В связи с этим можно упомянуть еще одну известнейшую песню — «Затворницу» Я. П. Полонского.

«Разбойница-затворница» и ее «речи детские» не совсем понятны исполнителям, поэтому стихотворение «Затворница» в его песенном варианте нередко заканчивается знакомыми певцам словами городского романса:

Твердила речи детские,
Шептала она мне
О музыке, о доблести,
О дальней стороне.
Теперь я пташка вольная,
Никто не стережет.
Головушка спобедная,

За что горе терплю,
Горе терплю, дружка люблю,
Приветливый он был.
Приветливый, преласковый,
Одну меня любил
Одну любил — счастливый был
Теперь несчастный стал¹⁰.

⁹ См.: Гудошников Я. И. Творчество И. С. Никитина и городской романс. — В кн.: Поэт-демократ И. С. Никитин. Воронеж, 1976; Щербанов Н. Н. Народные варианты песен И. С. Никитина в фольклоре уральских казаков. — Там же.

¹⁰ Записано С. Пинашиной в г. Нижнем Тагиле в 1980 году от В. А. Титовой (1914).

Записи литературных песен 1974—1980 годов представляют собой широкий круг произведений, тематика которых колеблется, как удачно сказано составителем одного из сборников по поводу содержания песен, «от большого и глубокого замысла поэта до несложного лирико-драматического или даже мелодраматического сюжета»¹¹. С «Колодниками» А. Толстого в народном репертуаре соседствует «Песня цыганки» Полонского; с песней Миллера «Среди лесов дремучих» — «Живет моя красotka». Рыскина; «Помню, я еще молодухой была» Гребенки — с песней Соколова «Шумел, горел молодухоский». Популярны песни неизвестных авторов — «Потеряла я колечко», «Вот мчится тройка почтовая», «По диким степям Забайкалья», «Глухой, неведомой тайгой», «Липа вековая».

Песням литературного происхождения, по-видимому, суждена долгая жизнь. Они нуждаются в дальнейшем изучении. Сбор и публикация песен во многом зависят от научных представлений об их распространенности и характере фольклоризации.

Завершая обзор записанных собирателями литературных песен, хотелось бы привести еще один песенный вариант. Песня Д. Клеменца «Ах ты доля, моя доля» уже публиковалась нами¹², но несколько позднее был обнаружен более полный текст, последние куплеты которого ярче подчеркивают агитационный характер произведения:

Уж ты доля, моя доля,
Доля горькая моя!
Ах, зачем ты, моя доля,
До Сибири довела?
Не за пьянство и буянство
И не за ночной разбой —
Стороны своей лишился
За крестьянский мир честной.
Были годики худые,
Стали подать собирать
И последнюю скотину

За бесценок продавать
И не вытерпело сердце —
Я урядника убил,
И за это преступенье
Я попал сюда, в Сибирь.
Очутился я в Сибири,
В шахте темной и сырой.
Там я встретился с друзьями:
«Здравствуй, друг,
я здесь, с тобой!»¹³

¹¹ Песни русских поэтов (конец XVIII — начало XX века), с. 10.

¹² См.: Фольклор Урала. Народно-песенное творчество. Свердловск, 1977, вып. 3, с. 18.

¹³ Записано А. Максимчук, Л. Опаринной в 1975 году в г. Кировграде Свердловской обл. от Д. А. Николаева (1888) и Т. И. Николаевой (1890).